

Свидание на крыше

Автор:

Светлана Лубенец

Свидание на крыше

Светлана Лубенец

Только для девчонок

Ее жизнь стала кошмаром, когда на сайте «Лучшие друзья» появилась страничка «Мы ненавидим Веру Филимонову!». Группу создала Ольга, бывшая Верина подруга. Недавно она потребовала, чтобы Филимонова прекратила встречаться с Аликом Рогачевым. Девушка отказалась – и стала изгоем. С ней не разговаривают одноклассники, знакомые и незнакомые люди обсмеивают в Интернете ее фотки, даже Алик переметнулся к Оле и вступил в ужасную группу... К счастью, нашелся парень, готовый протянуть Вере руку помощи. Но что они могут сделать вдвоем, если среди «ненавистников» уже больше сотни человек?

Светлана Лубенец

Свидание на крыше

Глава 1

«Мы ненавидим Веру Филимонову!»

Вера вышла с популярного сайта «Лучшие друзья» и резко захлопнула крышку ноутбука. Жизнь дала трещину. Это ясно как день. И что теперь делать?

Конечно, можно пойти к Илюхе Булатову и попросить его взломать их страницу и навести там шухеру. Может быть, он в силах уничтожить страницу вообще. Но где гарантия, что эти мерзавки не организуют новую, еще более гадкую и позорную? Поколебавшись пару минут, Вера опять включила ноутбук и вышла в Интернет. Сайт «Лучшие друзья» открылся на той самой странице, с которой Вера только что трусливо сбежала. А сбежать было от чего. Эта группа «Лучших друзей» называлась: «Мы ненавидим Веру Филимонову!» Аватар представлял собой самую кошмарную Верину фотографию, на которой она была изображена после кросса на 500, красная, взмокшая, с открытым ртом, выпученными глазами и всклокоченными волосами. Авторам группы показалось этого мало, и фотография была крест-накрест перечеркнута лохматыми толстыми кроваво-красными линиями.

Вера представила, как Ольга Первухина и Маринка Карпенко, высунув языки от удовольствия, «мастерили» эту страницу, и содрогнулась. Имелось даже видео! Прошлой весной они всем классом были в походе. Кинокамеру с собой брала как раз Маринка. Из того, что она наснимала, девчонки сделали удивительно безобразную нарезку. Конечно, на всех кадрах была Вера, которая в те моменты даже не догадывалась, что камера нацелена в ее сторону. Она везде была на втором плане, зато в самых комичных позах и с идиотским выражением лица. Особенно отвратительным был эпизод, где Вера с каким-то нечеловеческим остервенением засовывала и засовывала себе в рот ложку за ложкой вермишель с тушенкой. Тогда зверски голодны были все и на еду набросились не менее жадно, чем Вера. Но сидящие рядом с ней девчонки держали ложки куда изящней и вермишели зачерпывали значительно меньше. И ни одна из них так мерзко, как Вера, рта не раззявливала. Одна лишь она смачно заглатывала корм, как оголодавший поросенок. Приятным было только то, что пока никто не оставил под этим видео комментариев.

Зато в фотоальбоме комментов было хоть отбавляй! Альбом состоял аж из пятидесяти четырех фотографий, по которым прослеживалась чуть ли не вся Верина пятнадцатилетняя жизнь. С Ольгой Первухиной они дружили с самого детского сада, а потому альбом открывался фоткой, где маленькая Вера, наряженная снежинкой, читает у елочки стишок. С помощью опций фотошопа Верина голова была вытянута в длину и увеличена до размеров хорошего дирижабля. Уж до чего карикатурна всем известная Машенька, но Вера у елочки была гораздо круче. Все остальные пятьдесят три фотографии тоже были изуродованы, но так ловко, что Верины черты не растворялись в фотошопных наворотах, а, наоборот, делались как бы еще выпуклее, объемнее и, что самое обидное, были легко узнаваемы. Вера считала, что ее нос от природы чуть

широковат. На фотографиях он расплывался в уродливую картофелину, и за этой картофелиной все равно вставала именно она – Вера Филимонова. Прямые и не очень послушные волосы, которые никоим образом невозможно было завить, на фотографиях торчали во все стороны гнилой сивой соломой. Не слишком длинные ноги были укорочены до смехотворной длины. Карлик Вера на одной из фоток играла в бадминтон, на другой – стояла у школьной доски.

На самой главной фотографии, которая являлась обложкой альбома, Вера со съехавшим на бок ртом и низким лобиком дебилки сидела на скамейке в парке вместе с Аликом Рогачевым, в которого влюблены все девчонки их класса. Ольга с Маринкой, разумеется, тоже. Именно на почве неразделенной любви к Алику они и спелись и ополчились на Веру. А что же сам Рогачев? А Алик на первой же дискотеке в сентябре этого года выбрал ее, Веру. Она вернулась с каникул коричневой, как шоколадка. От природы светлые волосы выгорели на жгучем солнце Крыма до такой степени, что стали почти платиновыми. Мама ровной линией остригла сначала Верину челку, а потом так же ровно и концы волос, достающих почти до пояса. Алик первым делом повелся на платиновые волосы. Вера это сразу заметила. Как ни крути, у блондинок против brunetok явные преимущества. Уже после того, как оглядел волосы, Рогачев заглянул в Верины серо-голубые глаза. Она научилась очень красиво их подкрашивать: серебристо-серым карандашом оттеняла нижнее веко, растушевывая карандаш так, что глаза казались тонущими в жемчужной дымке. Потом поверх серебристого у самой линии ресниц Вера чуть-чуть добавляла черного, который, ложась на серый, несколько смягчал свою антрацитовость и придавал глазам особую глубину и выразительность. Губы Вера не красила. Они от природы были у нее такими пухлыми и ярко-розовыми, что для законченности образа вполне хватало бесцветного блеска.

– Прогуляемся? – предложил ей Алик после дискотеки и протянул руку.

Вера тут же вложила в его ладонь свою и ответила:

– Почему бы и нет!

С тех пор они гуляли почти каждый день. Все так же: рука в руке. Им было очень хорошо вдвоем. Оказалось, что у них масса общих интересов, начиная от любви к точным наукам и заканчивая катанием на роликах. Катались они тоже не разнимая рук, благо оба держали равновесие очень хорошо. Не говоря друг другу ни слова, они нутром чувствовали, куда надо свернуть: направо или

налево, когда надо притормозить или остановиться. Однажды между колесиками одного из Вериных роликов попал камешек. Ее лихо крутануло на месте. Упали они с Рогачевым на голый асфальт одновременно. Боль в локтях и спине Вера почувствовала много позже того, как ее губ коснулись губы Алика. С тех пор они целовались каждый вечер, легко и нежно. Обнимая своего друга за шею забинтованными в локтях руками, Вера думала о том, как здорово, что между колесиками так вовремя попал камешек. От прикосновения прохладных губ молодого человека, казалось, даже утихала боль в спине – на уровне поясницы переливался всеми цветами огромный отвратительный синяк.

Примерно через месяц после первого поцелуя Вера вдруг обнаружила, что осталась практически без подруг, а Ольга Первухина превратилась в настоящую врагиню. Когда Вера попыталась выяснить у Ольги, в чем причина такой резкой перемены отношений, Первухина ответила на удивление честно:

– Ты прямо из-под носа увела у меня Рогачева! Какая ты мне после этого подруга?

– Я ни у кого его не уводила, – возразила Вера. – Он ни с кем в тот момент не встречался.

– Вот именно, что он был совершенно свободен, и я как раз собиралась предложить ему встречаться со мной!

– Прямо так сама и предложила бы?

– А что в этом странного? Сейчас не девятнадцатый век! И даже не двадцатый! У нас с парнями абсолютно равные на этот счет права! – с вызовом ответила Ольга.

Вера пожала плечами, потому что как-то не совсем была уверена в равенстве. Вернее, ей совсем не хотелось этого равенства. Ей было очень приятно, что Алик подошел к ней сам, сам предложил встречаться, сам первым поцеловал. То есть выходило, что она, Вера, ему не навязывалась, что он сам ее полюбил. Впрочем, о любви Рогачев ей пока не говорил, но ведь все ясно и так: того, кого не любят, не целуют. Да и вообще... они встречаются всего второй месяц. Скажет еще. Не все сразу. Его признание еще впереди, и от этого так сладко замирает сердце.

– Ну... теперь ведь ничего не изменить... – проронила она, чтобы хоть что-то ответить Первухиной.

– Почему вдруг ничего?! – выкрикнула Ольга, и лицо ее так противно заострилось, что Вера невольно отпрянула от подруги. Такой некрасиво злой она ее никогда еще не видела. А Ольга между тем продолжила: – Ты вполне можешь дать ему от ворот поворот!

– Зачем? – едва прошептала Вера.

– А затем, что я твоя лучшая подруга, а ты заставляешь меня страдать от безответной любви!

Вера содрогнулась. Первухина слишком резко выкрикнула про безответную любовь, будто провела железом по стеклу. Про любовь ведь надо говорить тихо, еле выдыхая: я... его... люблю... Впрочем, откуда Вере знать, как говорят про любовь безответную? У нее-то с Аликом полная гармония!

– Оля, – с большим терпением в голосе проговорила тогда Вера. – Даже если я дам Рогачеву, как ты выражаешься, от ворот поворот, это вовсе не значит, что он тут же полюбит тебя. Знаешь же поговорку: «Насильно мил не будешь»!

– С чего ты взяла, что насильно? Тебя не будет рядом, он внимательно присмотрится ко мне и поймет, что я ничем не хуже! Ведь ты не будешь же утверждать, что я хуже?!

Вера отступила от разошедшейся не в меру подруги еще на шаг назад. Нет, конечно, Ольга не была хуже. Более того, Вера всегда считала, что Первухина гораздо выигрышнее ее смотрится. Она яркоглазая, с кудрявыми темными волосами, которые эффектно распадаются на отдельные блестящие прядки. Кажется, что вокруг головы девочки стоит дрожащая дымка. Но даже ради своей лучшей подруги с чудесными глазами и волосами Вера неспособна поступиться своей любовью. Да, любовью. Тогда она первый раз назвала свое чувство к Алику любовью. А подруге сказала так:

– Знаешь, Оля, ты совсем не хуже меня, но люди выбирают друг друга не только по красоте...

- А по чему же еще?

- Не знаю... По велению сердца, наверно...

- Ой, вот только не надо мне этих красивых сказок про сердце и красивую душу! - еще злее рявкнула Первухина. - Не верю я в них! Просто кто вперед успел, тот и съел! Отступись от Алика, Верка! Пока добром прошу!

- Что значит «пока добром»? - в полной растерянности спросила Вера.

- А вот если не отступишься, тогда и узнаешь, что будет потом!

- Я не отступлюсь...

- Не отступишься?!

- Не отступлюсь!

- Ну тогда ты мне больше не подруга, и у меня полностью развязаны руки! - На этой эффектной фразе Ольга Первухина так резко развернулась, что мягкий игрушечный рыжий полосатый котенок, болтающийся на длинной цепочке на молнии ее сумки, умудрился весьма немягко ударить Веру прямо в глаз. Глаз тут же заслезился, и из него выкатилась одинокая слеза. Как потом выяснилось, не последняя.

В тот же день в классе Первухина отсела от Веры за стол к Маринке Карпенко. На следующий день Вера почувствовала, что в классе как-то нехорошо изменился микроклимат. Девчонки кучковались вокруг Карпенко с Первухиной, и вокруг них воздух был будто сжатым, спрессованным и упругим, как резина. Веру он отталкивал, как мячик. Когда же на Верину просьбу дать срисовать таблицу по истории самая тихая девочка класса Таня Разумихина сказала: «А не пошла бы ты...» - стало понятно, что дело плохо. Вера оказалась в полном вакууме. Никто из девчонок с ней не разговаривал. Парни, конечно, относились к ней по-прежнему ровно, но что с них взять, с парней? Кроме Алика, Вере никто интересен не был. А без подруг было непросто. Да что там непросто! Без них было тяжело. Вера не умела существовать одна. Что, например, одной делать на перемене? Из кабинетов учителя выгоняют, в библиотеке тоже не станешь

каждую перемену толкаться. Даже в столовой очень глупо сидеть одной за столиком. Как-то это не принято в их школе. К небольшим четырехугольным столам обычно придвигалось еще по два-четыре дополнительных стула, и скудные школьные порции поедались под дружный смех одноклассниц и одноклассников. Вера в этих компаниях теперь вдруг стала лишней. Она не могла понять, почему против нее ополчились все девчонки. Что плохого она сделала той же Разумихиной? Или, например, Витке Жуковой, длинной и угловатой спортсменке, которая всем дискотекам предпочитала футбол на пустыре за домами в составе любой команды, хоть взрослых парней, хоть сопливых пятиклассников?

А теперь вдруг появилась эта страница: «Мы ненавидим Веру Филимонову!» Несчастливая Вера Филимонова еще раз пробежалась глазами по списку участников группы. Надо же, в нее уже вступили несколько парней, девчонки из параллельных классов и даже совсем незнакомые личности, которые от души потешались над Вериными «отшопированными» фотографиями и отпускали на ее счет разные скабрзные шуточки.

В разделе «Описание группы» было написано, что она создана против одноклассницы, которая гнусно и подло привлекает парней до неприличия обесцвеченными волосами. Члены группы уверены, что никакая стильная челка не может скрыть Верин низкий и узкий лобик и, соответственно, общую дебилность, каковая совершенно явственно видна на каждой из представленных в группе фотографий. Ниже крупными буквами было написано: «ОНА ДОСТАЛА ВСЕХ НАС!!» После этого шло обращение собственно к Вере: «Слышь ты! Не вздумай кому пожаловаться! Что плохого в том, что тебя все ненавидят?! Не каждому такое в жизни выпадает! Будет что вспомнить на пенсии! Но лучше исчезни до пенсии! Группа будет существовать до тех пор, пока ты не удалишь сама себя из нашей жизни!»

В обсуждениях была всего одна тема, зато какая: «Что станешь делать, если встретишь Филимонову на улице?» Ответы на этот вопрос были один другого мерзостнее.

Вера глубоко вздохнула, загоня слезы обратно в глаза, и задумалась. Вот ведь взять Первухину... Нормальная была девчонка, не злая. Подругой считалась. Да что там считалась! Она была ею! Всегда умела и вовремя поддержать, и посочувствовать. А еще с ней было здорово валять дурака и хохотать во все горло над всякой ерундой. И что же теперь получается? Получается, что дружба

в этом мире существует до поры до времени? До того момента, когда вдруг пересекутся интересы и один друг или подруга встанет на пути другого? И как же после этого жить дальше в полном одиночестве? Конечно, у нее, Веры, есть приятельницы по спортклубу, куда она раз в неделю ходит на фитнес, да и соседка по лестничной площадке Танюха – тоже не последний человек в ее жизни, но... Словом, Ольге Первухиной найти замену довольно трудно. А в школе в одиночку вообще очень тяжело существовать.

Вера уже совсем хотела выйти с сайта, как вдруг ее пронзила ужасная в своей простоте мысль: а что будет, когда эту группу в «Лучших друзьях» увидит Рогачев? Он запросто может от Веры отвернуться, когда, например, разглядит ее на видео, по-свински пожирающую вермишель с тушенкой... или на той фотке, где у нее голова как дирижабль...

Нет! Алик не может купиться на эти штучки! Он ведь любит ее, Веру! Да, он никогда не говорил ей этого, но ведь нелюбимых не целуют так нежно и трепетно! С нелюбимыми не встречаются каждый вечер и не водят по улицам за ручку!

А может быть, взять и самой рассказать Рогачеву про эту группу? А что?! Он наверняка сможет ее, Веру, защитить! Как? А это уж его дело, как выручить из беды свою даму сердца. Но он должен выручить! Должен! Иначе все бессмысленно! Иначе зачем существуют любовь и любимые люди? И как же хорошо, что это наконец пришло ей в голову!

Вера победно посмотрела на фотки членов группы, которая ее ненавидела. Погодите!!! Вы еще узнаете, что такое настоящая любовь и ненависть! Вы еще прощения попросите! А если и не попросите, то все изойдете черной завистью, глядя на то, как верный Алик бросится на защиту своей девушки!

Довольная собой Вера вдруг увидела, что количество членов группы увеличилось еще на одного человека. Она раскрыла список друзей и прокрутила его. Минуту назад в группу вступил Александр Рогачев.

Мы еще поборемся с этими гадами...

С утра в школе Рогачев прятал от Веры глаза и ни разу не подошел к ней в течение всего учебного дня. Она сама порывалась объяснить с Аликом, но он очень ловко ускользал от нее: то резво смешивался с группой одноклассников, то бросался с какими-то вопросами к учителям, то резко и неожиданно сворачивал в первые попавшиеся открытые кабинеты, будто у него там были очень срочные дела.

После уроков Вера хотела дождаться Алика на крыльце школы, но он то ли как-то умудрился выскочить раньше нее, то ли вышел в боковую дверь возле столовой, через которую заносили коробки и контейнеры с продуктами. Бесплезно прождав Рогачева на крыльце около часа, Вера понуро побрела к дому. Она поминутно посматривала на мобильник, надеясь увидеть значок сообщения, пришедшего от Алика. Вообще-то смотреть и не надо было, поскольку после прихода смс телефон обычно выдавал тоненькую мелодичную трель. Никаких трелей не было, но Вере казалось, что она могла их прослушать, поскольку на улице чрезмерно шумели машины и неприятно громко переговаривались между собой прохожие. А уж за пронзительным лаем маленькой и вертлявой черной собачонки, которая неизвестно почему увязалась за Верой, можно было пропустить даже громкий звонок.

Сообщений не было. Звонков тоже. Она попыталась позвонить сама. Рогачев не откликнулся. На Верино сообщение ответа не пришло. Все стало окончательно понятно. Алик от нее отказался, примкнув к группе травящих ее людей.

Дома, бросив рюкзачок в кресло и не сняв даже уличной обуви, Вера первым делом бросилась к ноутбуку.

В группе «Мы ненавидим Веру Филимонову!» народу еще прибавилось. Это были совершенно незнакомые Вере личности, которым, похоже, просто нравилось кого-то ненавидеть. Все равно кого. Назвавшись ненавистником Веры, человек развязывал себе руки: он мог отпускать на ее счет всякие ядовитые замечания – ненависть с ходу его оправдывала. Мог отвратительно ругаться, придумывать о ней, которую никогда не видел вживую, всякие мерзости.

До дрожи в руках и коленях потрясла Веру новая тема, появившаяся в обсуждениях: «Как ты хотел бы казнить Веру Филимонову?» Члены группы

весело и смачно обсуждали способы ее умерщвления, будто она была не живой девочкой, а мультяшным персонажем или злодейкой с какого-нибудь уровня компьютерной игры. Ватными пальцами Вера прокрутила все сообщения этой темы. Александр Рогачев не придумывал ей казней и не отвечал на вопрос, что сделает, если встретит Филимонову на улице. С одной стороны, это делало ему честь, с другой – он ведь и не собирался больше встречаться с Верой, так что и казнить ее будут другие. А что же он? А он будет стоять в сторонке и смотреть, как ее распинают. Неужели все будут стоять и смотреть?! И те, кто в группе, и те, кто еще не успел в нее вступить?

подавив судорожный всхлип, Вера захлопнула ноутбук, забыв его выключить, и, не чуя под собой ног, поспешила с однокласснику Илюхе Булатову, которого все считали компьютерным гением.

– О! Верка?! – удивился Илюха, картинным взмахом руки пригласив ее в квартиру. – Какими, так сказать, судьбами?

– Мне с тобой посоветоваться надо... по одному делу... – жалко пролепетала Вера.

– Вот уж чего никогда в жизни не делал, так это не давал советов!

– Брось... Такие наверняка давал... или подобные... Это по части Интернета...

– Ну... тогда, может, и в самом деле помогу! – Илья подмигнул однокласснице и потащил ее в комнату. Там, усадив на диван, спросил: – Ну! И какие у тебя проблемы с Интернетом? Кстати, какой у тебя модем? Провайдер какой?

– Дело не в модеме и не в провайдере, – отмахнулась Вера. – Лучше скажи, ты можешь кое-что сделать... ну... как этот...

– Как кто?

– Как... хакер?

– Ха-а-а-акер?

– Ну... может, как программист... не знаю я, как правильно назвать. Короче, у тебя есть страница в «Лучших друзьях»?

– Что я, ненормальный? – для усиления впечатления от своих слов Булатов самым невероятным образом выпучил глаза.

– А что, страницы в «Лучших друзьях» только у ненормальных? – удивилась Вера.

– Ну... я имел в виду, что они есть только у тех, кому делать нечего! Мне некогда виснуть в «Друзьях». Другие, понимаешь, интересы!

– А ты хоть представляешь, как на этом сайте страницы выглядят и вообще... как там все устроено?

– Конечно, представляю. Заходил, смотрел. Понял, что не мое, и слинял.

Вера покусала губы в раздумье и через минуту все же решила задать в лоб вопрос, не имеющий никакого отношения ни к «Друзьям», ни к Интернету вообще:

– А скажи, Илья, как ты ко мне относишься?

Булатов округлил глаза еще больше и совершенно растерянно буркнул:

– Это в каком же смысле?

– В прямом! Вот тебе есть за что меня ненавидеть или, к примеру, казнить?

– Так! Филимонова! Ты че? Ты, часом, не спятила? – возмутился одноклассник.

– Ответь, Илюха, не крути! – не менее возмущенно вскричала Вера.

– Не собираюсь я на idiotские вопросы отвечать! Ты говорила, что у тебя что-то с инетом, – вот об этом и спрашивай!

– Хорошо, – согласилась она. – Из твоего ответа я понимаю, что никаких личных претензий у тебя ко мне нет!

– Правильно понимаешь!

– Тогда можно, я кое-что покажу тебе на сайте «Лучшие друзья»?

Уже заинтригованный Булатов милостиво кивнул и разрешил:

– Валяй!

Вера, подойдя к включенному компьютеру, зашла на сайт, отыскала группу «Мы ненавидим Веру Филимонову!» и предложила Илюхе:

– Вот, полюбуйся...

Смешно сморщив нос, парень перевел глаза на страницу и тут же присвистнул. Потом он бросил на Веру непонятный взгляд и углубился в чтение.

– Да-а-а... – протянул он, оторвавшись от экрана, когда ознакомился со всеми разделами страницы. – И чем же это ты, Вера Филимонова, так достала такую кучу народа?

– Н-не знаю... – начала она, опустив глаза, потом резко подняла их на Илюху и заговорила, горячо и сбивчиво: – То есть... знаю, но не совсем... Понимаешь, группу организовали девчонки! За то, что... в общем... из-за Алика Рогачева... ну что я с ним... то есть он со мной... Я не захотела от него отказаться, и вот... появилась группа! А потом в нее стали вступать все кому не лень! Я многих и не знаю вовсе! И они меня никогда не видели, а на полном серьезе рассуждают, как получше со мной расправиться!

– Наверно, все-таки не на полном серьезе, – возразил Булатов. – Они о тебе рассуждают как об отвлеченном лице. В этих «Друзьях» вообще навалом подобных групп. Я видел даже такую: «Я ненавижу вас всех до такой степени, что непонятно, почему вы до сих пор еще живы!» Не думаешь же ты, что это всерьез?

– Кто их знает, Илья! – Вера зябко повела плечами. – В любом случае мне не хочется, чтобы меня подобным образом обсуждали ни как настоящую Веру Филимонову, ни как отвлеченное лицо.

– Согласен, что хорошего в этом мало. Так ты пришла, чтобы я...

– Да! Да! – перебила его она. – Говорят, что можно как-то взломать страницу и все ее содержимое уничтожить! Ты можешь?

– Честно говоря, никогда этим не занимался, но можно попробовать... хотя...

– Ну что «хотя»? Что тебя может останавливать? Это же... это ужасно, что они придумали! Так нельзя с людьми! Даже та группа, о которой ты рассказал, она лучше. Ненавидеть всех – это никого конкретно! Просто у человека, образовавшего группу, что-то не получилось в жизни, вот он и ополчился на весь свет. И примкнувшие в нему – такие же неудачники! Пусть себе тусуются вместе и жалуются друг другу на жизнь, на всех. Эти ВСЕ – совершенно безлики, а вот я...

– Я с тобой совершенно согласен. – Булатов кивнул. – Но они запросто организуют новую группу! Тебе такое в голову не приходило?

– Приходило! Но ты же можешь и со следующей что-нибудь эдакое сделать... Разве нет?

– Допустим! А на следующий день – опять новая группа! Похоже, они уже от этой своей ненависти к тебе ловят кайф, а потому просто так от нее не откажутся.

– И что же делать? – еле слышно спросила Вера. Плечи ее непроизвольно опустились, и очень захотелось заплакать.

– Брось распускать нюни! – преувеличенно бодро вскрикнул Илюха и даже пребольно хлопнул ее по плечу, будто она не девочка, а свой в доску пацан.

После таких булатовских слов и скупого мужского, но очень болезненного подбадривания Верино хотение тут же перешло в состояние необходимости, и она от души разрыдалась. Илья растерялся окончательно. Из компьютерного

кресла он пересел к однокласснице на диван, уже осторожно и невесомо положил руку на плечо и участливо спросил:

- Че? Больно, да? Прости, не хотел? Не рассчитал, в общем...

Вера всхлипнула и проклекотала:

- Нет, не очень... Просто паршиво на душе...

- Это я понимаю, - отозвался Булатов, потом вдруг оживился, хлопнул бедную Веру все по тому же плечу еще сильнее и крикнул: - Придумал!!!

- Что? - прошептала она, потирая окончательно онемевшие плечо и шею.

- Надо организовать альтернативную группу «Мы любим Веру Филимонову!».

- Мы - это кто?

- Да хоть кто! Пока я! Потом наберу сторонников! Приглашение вывешу в группе ненавистников. Клянусь, половина перебежит к нам!

- Сомнева-а-аюсь, - протянула Вера. - Ненавидеть-то куда прикольней! Ругаться можно по-черному и вообще...

- Согласен, но если развязать с той группой войну, то... Словом, если мы будем действовать изобретательно, то к нам потянутся! Не сомневайся! Всегда интересней играть на сильной стороне!

- Ну... не знаю... А что будет в этой группе?

- А все то же, только... наоборот! Перешли мне по электронной почте свои самые лучшие фотки, я еще их подкорректирую в фотошопе! Будешь краше голливудской красотки!

- Илюш, а может, не надо краше-то? - опять засомневалась Вера. - Крайности, они того... всегда раздражают...

Булатов, не отвечая, бесцеремонно схватил ее цепкими пальцами за подбородок и принялся крутить перед собой Верино лицо туда-сюда, будто ее шея представляла собой какую-нибудь шарнирную конструкцию. Вера мужественно терпела, потому что в лице Ильи теперь видела единственного своего защитника.

- Ну что ж... - удовлетворенно проговорил Булатов после детального осмотра лица одноклассницы. - ...в общем и целом ты у нас и так ничего! Блондинка эдакая... На мой вкус, несколько бледновата, но это можно всякими фильтрами исправить... Освещение подобрать, то да се... В общем, шли фоты!

- Ладно. - Вера согласно кивнула.

- А видео у тебя есть? Ну то, из похода? Или какое-нибудь другое?

- Нет, видео у меня нет.

- Не страшно, - тут же успокоил ее Илюха. - Завтра после школы пошли в парк у вокзала. Я тебя снимаю! Там такие мостики есть классные! Беседки всякие...

- У тебя камера есть?

- А то! Не хуже других живу, между прочим.

Вера задумалась на минуту, а потом выпалила:

- А скажи, Илюшка, что я тебе буду должна за эту... ну альтернативную страницу?

- В смысле? - Булатов сделал непонимающее лицо и даже отшатнулся от Веры.

- Ну... ты же будешь тратить на это время, по паркам со мною ходить, камеру свою эксплуатировать... и вообще...

Илья посмотрел на одноклассницу с изумлением, покачал головой, а потом, прищурившись, спросил:

– И сколько же ты баксов готова мне отвалить?

Вера потемнела лицом и одними губами ответила:

– У меня нет баксов... и вообще... даже рублей нет... Ну... может, полтинник наскребу, не больше.

– А как насчет евро? – опять спросил Булатов.

Бедная Вера смогла только отрицательно качнуть головой. Тогда Илья опять хлопнул ее по плечу, сам от этого очередного хлопка смутился и сказал:

– Знаешь что, Вера Филимонова! Не все в этом мире измеряется деньгами! Между прочим, я видел, что этот ваш красавчик Алик Рогачев в группу твоих ненавистников тоже вступил...

– И что?

– А то, что надо дать ему за это по мозгам!

– А ты у нас, значит... – Вера вдруг горько рассмеялась. – Защитник всех обиженных и оскорбленных?

– Вообще-то никогда им не был! Но эта группа мне очень не понравилась! Очень! В общем, иди домой, Верка, присылай мне фотки и жди! Мы еще поборемся с этими гадами!

Глава 3

Пакт о ненападении

Алик Рогачев тупо смотрел на страницу сайта «Лучшие друзья». Группа «Мы ненавидим Веру Филимонову!» разворачивала свою деятельность все шире и шире. В обсуждениях появилась тема «Наше творчество», куда члены группы

помещали всякие двусмысленные стишки, касающиеся Веры. В новостях был объявлен конкурс на лучший аватар, который требовал любую Верину фотографию обезобразить как можно круче, но чтобы Филимонова при этом оставалась узнаваемой! Даже среди музыкальных записей появились отвратительные кричалки, автором которых был незнакомый Алику парень под ником Арарат. Какое дело было этому Арарату до Веры, Рогачев никак не мог понять. Какое дело было до нее всем остальным уже ста пятидесяти четырем членам группы? По-настоящему эта группа нужна была одной лишь Ольге Первухиной. Даже Маринке Карпенко, которая значилась модератором, не очень.

Вспомнив об Ольге, Алик скривился так, будто кусок ветчины, который он как-то вдруг разом стянул зубами с бутерброда, здорово протух. Он выплюнул розовое мясо прямо на тетрадь по алгебре и задумался.

Ольга Первухина была ничего себе девчонкой: стройной, длинноногой, кареглазой. В прошлом году он даже подумывал о том, не приударить ли ему за ней. Ольга, казалось, это чувствовала и явно поощряла его особо теплыми взглядами. А в этом году ему, Алику, вдруг понравилась Вера Филимонова. Как только он увидел на линейке, посвященной Первому сентябрю, Верины дымчато-светлые волосы, так сразу и влюбился. Еще не в саму Веру. В волосы: густые и до того тяжелые, что ветер с трудом мог отделить от общей их массы лишь самые тонкие прядки. А потом Филимонова повернулась, и он окончательно пропал. У Веры откуда-то вдруг взялись чудные, чуть припухшие, прозрачно-розовые губы. Их сразу захотелось поцеловать. Вообще-то он, Алик Рогачев, еще никогда в жизни ничьих губ не целовал. Но ни о чьих других уже и думать не мог. Только о Вериных. Да что там губы! Она нравилась ему вся! На ней здорово сидел школьный черный пиджак. А воротничок белой блузки будто дополнительно освещал нежное лицо. В школу Вера почему-то не носила, как все девчонки, джинсы. Она меняла юбки. Одна была бежевой в крупную темно-синюю клетку, и девочка с длинными прямыми волосами до пояса казалась в ней ученицей какого-нибудь английского колледжа. Почему именно английского, Алик и сам не знал. Другая юбка Веры была черной, как пиджак, узкой и короткой. В ней она напоминала стюардессу навороченного авиалайнера. Да-да, непременно навороченного! Еще бы ей пилоточку надеть эдак набочок – и вылитая стюардесса.

Когда Алик решился к Вере подойти, она не стала ломаться и сразу согласилась с ним прогуляться. С тех пор они гуляли каждый вечер, и он даже уже имел право нежно касаться ее розовых губ, когда вдруг все пошло прахом. Ольга

Первухина однажды остановила его на улице возле книжного магазина, где он купил себе пособие по информатике, и спросила в лоб:

- Что у тебя с Филимоновой?

Алик решил, что отвечать Ольге он вовсе не обязан, а потому резко и даже насмешливо спросил:

- Тебе-то какое дело?

Ох, не надо было ему так язвительно улыбаться и снисходительно кривить губы. Но кто ж знал, что случится дальше! А дальше уже не менее язвительно улыбнулась Первухина и сказала:

- Честно говоря, до Верки мне нет никакого дела! А вот до тебя есть!

- В смысле? - только и смог тогда вымолвить Алик.

- А в том смысле, что ты мне нравишься! И я тебе в прошлом году тоже нравилась! Разве нет?

Алик и хотел бы сказать, что это не так, но ведь она ему действительно нравилась. Его небольшой заминки с ответом было достаточно для того, чтобы Ольга опять начала наступление:

- Ага! Молчишь! Конечно, нравилась! Я это чувствовала! А теперь ты вдруг повсюду гуляешь за ручку с Филимоновой! И я должна это терпеть?

Алик не очень понимал, почему бы Первухиной и не потерпеть. В любви он ей не объяснялся, ничего не обещал и не обнадеживал. Подумаешь, в прошлом году несколько раз посмотрел с интересом! Это его ни к чему не обязывает. Но одноклассница явно считала иначе.

- Так вот! - опять начала она и очень многозначительно. - По-хорошему предлагаю тебе бросить Верку!

– Что значит: по-хорошему? – Алик еще пытался хорохориться, потому что не знал, куда она клонит.

– А то и значит! Если не бросишь по-хорошему, то поделюсь с нашим классом своими знаниями.

Поскольку Алик промолчал, все еще ничего не понимая, Ольга добавила:

– А если вместо Верки станешь встречаться со мной, то тайное никогда не станет явным!

– Да что тайное-то?!

И Ольга сказала, что именно. Алику показалось, что у него вдруг все смерзлось во рту от волнения.

– Откуда ты это знаешь? – еле ворочая непослушными губами, прошептал он.

– Видела! И слышала! – с вызовом ответила Первухина. – Случайно, конечно, но, согласишься, я очень вовремя оказалась в нужном месте. Ты же знаешь, через проходной двор быстрее добежать до универсама. Меня тогда как раз за хлебом послали. Я шла довольно быстро, потому что поздновато уже было, да и двор этот противный... Мне родители не разрешают через него ходить, но в обход надо лишний квартал тащиться, ты же в курсе...

– Ближе к делу... – Алик хотел это сказать как-нибудь грозно, чтобы Первухина зарубила себе на носу, что ему на ее знание абсолютно наплевать, но вышло у него до неприличия сипло и жалобно.

– Ага! Боишься, что всем станет известно, кем на самом деле является крутой красавчик Рогачев! – выпалила Ольга и довольно хищно скривилась.

Алик нервно сглотнул образовавшийся в горле липкий ком и с трудом проговорил:

– Да кто тебе поверит-то...

Ольга рассмеялась, вытащила из кармана мобильник, потрясла им и сказала:

- Доказательства здесь! Чудное видео! Представь, что будет, если я в Интернет выложу!

- Зачем?!

- А чтобы твоя Верочка точно знала, с кем водится! Она тебя тогда сама бросит! Неужели непонятно?! Да и вообще, вмиг лишишься своего статуса первого парня в нашем классе!

- Странно... Ты ведь все это видела... значит в курсе, кем... на самом деле я являюсь... Уверяешь, что за это Вера может меня бросить... Так тебе-то я зачем... такой нужен?

- Я уже сказала: ты мне нравишься! Конечно, то, что я засняла на телефон, тебя не украшает, но, возможно, подобное больше никогда не случится. Ты ж теперь ученый! А этого о тебе никто не узнает! Если я не захочу, конечно!

- Но ты же не одна - владелица этой моей... тайны... Во дворе еще трое человек было.

- А они станут молчать!

- Это почему же?

- Сам знаешь! - отрубилась Ольга. - Ну так как?!

- Что как?

- Бросаешь Филимонову?

- Надо всего лишь ее бросить? - Алик пытался схватиться за соломинку. В конце концов можно придумать что-нибудь такое готично-романтическое и встречаться с Верой тайно. Девчонки любят, когда любовь с препятствиями и слезой.

- Не только! Ты бросаешь Верку и начинаешь встречаться со мной.

Алик с удивлением оглядел решительно настроенную Первухину и спросил:

- А ты, Ольга, никогда не слышала такую поговорку: «Насильно мил не будешь»?

Она усмехнулась и ответила:

- Я уже несколько раз сказала, что ты мне вполне мил.

- А я про себя. Неужели ты думаешь, что можешь меня заставить в тебя влюбиться под страхом... разоблачения? - удивился Алик.

- Страх разоблачения может тебя заставить бросить Верку. А когда станешь встречаться со мной, увидишь, что я ничуть ее не хуже. Возможно, и лучше. У меня и ноги длинней, и бедра уже. Думаешь, почему твоя Филимонова из юбок не вылезает? Да потому что у нее фигура несовременная, и джинсы ей абсолютно не идут! Ты вспомни: видел когда-нибудь Верку в узеньких джинсиках с заниженной талией?

Алик растерянно молчал. Ему было безразлично, почему Вера не носит узеньких джинсиков. Он не знал, как и зачем занижают талию. Вера нравилась ему, в чем бы ни была одета. Но Первухина представляла реальную опасность. Если до Веры дойдет то, что о нем знает Ольга, то она и сама от него в ужасе отшатнется. Так какая разница, каким образом терять Веру. Все одно терять!

- Хо-ро-шо... - медленно, по слогам произнес он, нервно кивая в такт головой. - Я принимаю твое предложение, Ольга. Я сильно сомневаюсь, что я вдруг ни с того ни с сего в тебя влюблюсь... Но я однозначно не хочу, чтобы Вера узнала обо мне то, что знаешь ты... чтобы в классе тоже узнали... Так что предлагаю заключить договор или... нет, лучше - пакт!

- Что-что? - Ольга красиво изогнула брови. - Что еще за пакт?

- Ну... пакт - это соглашение... договор такой, очень важный, чаще всего о взаимопомощи и, что самое главное, о ненападении! И, заметь, о взаимном ненападении!

Первухина презрительно хмыкнула и процедила:

- Можно подумать, что у тебя что-то против меня есть! С какой стороны ты можешь на меня напасть?

- Сейчас у меня против тебя действительно ничего нет. Ты права. Но если мы станем встречаться, ты можешь проколоться, Ольга! Имей в виду, я буду очень внимательно за тобой наблюдать!

- Ничего не нароешь! Я нормальный человек! Никаких грехов за мной нет!

- Тогда тебе ничего не мешает заключить со мной пакт, верно?

- Допустим!

- Отлично! Но любой договор подразумевает определенные условия. Давай их обговорим.

- Ну... дава-а-ай... - не очень решительно протянула Первухина. Видимо, ей виделся в этом какой-то подвох, и она старалась определить, в чем именно, чтобы не промахнуться.

- Так вот! Условия просты. Мы начинаем с тобой встречаться, и ты обязуешься молчать о том, что обо мне знаешь, то есть не нападаешь. Если ты нарушаешь обещание, то я уже имею полное право напасть, то есть рассказать всем, что узнаю про тебя. Во-вторых...

- Ой, да пожалуйста! - перебила его Ольга и рассмеялась. - Я на это согласна! За мной не водится таких ужасных грехов, за которые мне было бы стыдно перед народом.

- Ты не дослушала! Второе условие для тебя еще выгоднее! Если я нарушаю договор первым, то ты рассказываешь, кому хочешь, о том, что видела и слышала в беседе.

- Да как ты можешь нарушить, если ничего стыдного обо мне не узнаешь? - Первухина все так же победно улыбалась.

– Оль, ну ты никак все до конца не просечешь! Я ведь могу нарушить условия пакта тем, что все же стану встречаться с Верой.

Ольга тут же убрала с лица улыбку, но ответила все так же уверенно и ядовито:

– Этого ты сейчас не сделаешь.

Алик согласился:

– Да, сейчас не сделаю. Но никто не знает, что с нами случится завтра... или послезавтра... или через месяц...

– Я ни на чем не проколюсь, Рогачев, понял?! – Первухина стояла, расставив ноги в стороны и скрестив руки на груди. Она явно собиралась вступить на тропу войны.

Алик тогда даже не мог предположить, куда все это заведет. Он надеялся, что их отношения с Ольгой как-нибудь сами собой развалятся. Разве взаимную симпатию можно обеспечить каким-то пактом о ненападении?! Нет! Разве он сможет хоть когда-нибудь влюбиться в такую расчетливую особу, как Первухина?! Да ни за что! Ольга ведь неминуемо почувствует, что влюбленности с его стороны нет никакой, одна принудилка. А ведь хочется, чтобы смотрели влюбленными глазами, говорили красивые слова. А какие-такие слова он может сказать Первухиной? Ему ее даже Олей трудно назвать, не то что Олечкой. Все Ольга да Ольга... Но ее это, похоже, не трогает. И что она за человек такой?

И теперь вместо Веры Алик почти каждый день вынужден встречаться с Первухиной. Он даже почти и не говорит ничего. Ольга же трещит не переставая! Рассказывает о своей жизни, начиная чуть ли не с пеленок. Как будто это ему интересно слушать! Да он и не слышит половины. У него в голове одна Вера. Он понимает, что поступил с ней дьявольски подло: нежно целовал и готовился признаться в любви, чего Вера, конечно же, ждала, а потом вдруг неожиданно и без всяких объяснений бросил и везде ходит за ручку с Первухиной. И даже в классе сидит с ней за одним столом. С ненавистной Первухиной! Но кто, кроме него, знает, что она ему ненавистна? Даже сама Ольга не понимает, до какой степени ему отвратительна!

Несколько дней назад она полезла к нему с поцелуями, идиотка! Да его чуть не вырвало! Конечно, он делал вид, что ему даже нравится, но каких же усилий это ему стоит! Но сколько бы он ни наблюдал за Первухиной, как бы ни следил, как бы ни ловил ее слова, она действительно не делала ничего предосудительного и не проговаривалась, потому что за ее душой, видимо, действительно не было ничего такого, что Ольга боялась бы сделать достоянием общественности в лице классного коллектива.

А потом он узнал про группу в «Лучших друзьях» под названием «Мы ненавидим Веру Филимонову!», в которой Ольга была администратором. Ольга образовала ее как раз в тот день, когда они заключили с ней пакт. Алик сначала никак не мог понять, зачем она это сделала. Он ведь и так согласился порвать с Верой! Чего же Первухиной еще надо? А потом все понял. Ольга действительно была очень расчетлива и дальновидна. Он ведь сдуру сказал ей, что может взять да и нарушить соглашение тем, что все равно станет встречаться с Филимоновой. Ольга догадалась, что надо сделать так, чтобы его не слишком тянуло к Вере: надо выставить ее перед всеми полным посмешищем, сделать в классе изгоем. Надо сказать, что она очень преуспела в этом. Он, Алик, сначала обрадовался: вот она, подлость, которую Ольга совершила и которая поможет наконец ему от нее избавиться. Потом понял, что не все так просто. Ольга ни от кого не скрывала, что является инициатором и администратором группы ненавистников Веры, а потому уличать ее было не в чем.

В классе почему-то группу не только не осудили, но стали в нее активно вступать. Даже некоторые парни. Зачем? Почему? Ответ напрашивался неприятный: одноклассники, которых он всегда считал за нормальных людей, оказывается, были вовсе не прочь кого-нибудь потравить и, похоже, просто ради развлечения. Вера Филимонова никому ничего дурного не сделала, но тусовка в группе была определенным времяпрепровождением. Еще бы! Можно было проявить себя, глумясь над ее фотографиями, показывая недюжинные знания графических пакетов. Можно было продемонстрировать всем свои способности в стихосложении, в рисовании карикатур, создании видеороликов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/lubenec_svetlana/svidanie-na-kryshe

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)